

СЕРГЕЙ СКУРИХИН

З
А
В
Е
Р
Т
Ь

СТРАННЫЙ МИР,
СТРАННЫЕ ЛЮДИ,
СТРАННЫЙ ПУТЬ

16+

Мир Синего Солнца

Сергей Скурихин

Заверть

«Автор»

2020

Скурихин С. Л.

Заверть / С. Л. Скурихин — «Автор», 2020 — (Мир Синего Солнца)

Когда на дворе пандемия и жизнь взаперти проходит под нескончаемый уличный вой сирен скорой помощи, что ещё остаётся делать человеку, как не паниковать?! Вот и наш герой — обычный менеджер по продажам из небольшого российского городка — повёлся на странную эсэмэску, в которой ему предлагалось ни много ни мало, а персональное спасение! Согласившись, он попадает в необычное место, где встречается ещё с тремя людьми, «выдернутыми» из разных времён и эпох. И каждый из них, как и наш герой, заплатит в итоге немалую цену за своё фантастическое спасение...

© Скурихин С. Л., 2020

© Автор, 2020

Сергей Скурихин Заверть

Наверное, эту безымянную планету следовало назвать Миром ветров, которые дули здесь отовсюду и беспрестанно. Не тёплые и не холодные, они сквозили с одной и той же скоростью, чем поначалу дико меня раздражали. Кожа на наших лицах быстро задубела, а веки постоянно слезящихся глаз сами собой сомкнулись в щёлочки, и если бы не отсутствие лошадей, то наше внешнее сходство с какими-нибудь тюрками-кочевниками стало бы полным. Впрочем, какие уж теперь тюрки, какие лошади?..

Мой короткий то ли полусон, то ли полуявь, где я ощущал себя почти Богом, проходя сквозь туманности и звёзды, закончился ударом о твердь этой планеты. Планеты-тюрьмы. Планеты-отстойника. Планеты вечной осени. Благо, что случилось это рядом с пещерой, и её гостеприимные хозяева затащили бессознательного меня вовнутрь.

В общем-то, с пещерой нам всем повезло. Вход в неё заламывался под острым углом, что спасало от задувания ветра снаружи, а где-то под сводом, в самой его темноте, находились разломы в породе – небольшие щели, которые создавали естественную вытяжку, и дым от костра всегда уходил наверх.

Нас было четверо: Нефёдыч и Светлана здесь появились до меня, а очевидцем прибытия Якоба стал уже я сам – этого белёсого борова в длинной чёрной рясе мы тогда еле доволокли втроём. Якоб, когда очнулся, стал истово осенять крестным знаменем себя, нас и внутреннее пространство пещеры. При этом он что-то лопотал на грубоватой на слух смеси немецкого и английского. Похоже, этот парень, а ему на вид было лет двадцать – двадцать пять, прибыл сюда напрямиком из средневековой монашеской кельи. Мы с Нефёдычем это смекнули сразу и оставили Якоба в покое на то время, пока он будет договариваться с «демонами» в своей голове.

А вот Нефёдыч и Светлана являлись моими соотечественниками, правда, из тридцатых годов двадцатого века. Нефёдыч был ученым, причём явно выходцем из военной среды, а Светлана... – она одинаково походила и на медсестру, и на лаборантку, и на библиотекаршу. Сама она о себе ничего не рассказывала, да и Нефёдыч на подобные расспросы не отвечал тоже. Но я чувствовал, что их двоих связывает не только одно время, из которого они вышли, но и какая-то общая тайна.

Лет Нефёдычу было за пятьдесят, а Светлане – под сорок. Внешность у неё была заурядная – как говорится, пройдёшь десять раз мимо и не заметишь. Но то ж в городской сутолоке, а здесь она была единственной женщиной, и внимание противоположного пола ей было гарантировано.

Питались мы слизнями – этих отвратительных на вид тварей, размером с половину молочной сосиски, мы снимали со стен пещеры. Они выползали из небольшого солоноватого озерца, что располагалось метрах в двадцати ниже по пещерной галерее. Слизни были клейковатыми и по вкусу походили на слабосоленые маслянистые грибы, но по первости я с трудом преодолевал омерзение и рвотный рефлекс, когда утолял ими голод. Я даже пытался их жарить на костре, но, как и предупреждал меня Нефёдыч, получилось только хуже. За тарелку горячего супа я, пожалуй, готов был тогда убить, да вот только ближайшая ко мне кухня или столовая находились неизвестно где. Впрочем, человек привыкает ко всему, привык и я...

В десяти минутах ходьбы от пещеры было место, которое Нефёдыч почему-то называл высохшим «болотом», хотя передвигаться по нему можно было без опаски, и признаков влаги там не наблюдалось вообще. На этом «болоте» мы собирали дрова для костра – одревеневшие то ли водоросли, то ли корни, которые причудливо переплетённой сетью покрывали всю его поверхность. Этот хворост отделялся целыми пластами, поднимая вверх облака мельчайшей

пыли, но зато прекрасно и долго горел. Минусом этих дров было только то, что их форма не позволяла соорудить факел, поэтому рядом с озерцом нам для освещения пришлось разводить ещё один костёр.

Пламя в обоих кострах поддерживалось постоянно, а дефицит топлива нам пока не грозил. Изначально «Прометеем» выступил Нефёдыч – у него в пиджаке сохранился спичечный коробок. Спичек в том уже оставалось немного, и эту реликвию Нефёдыч носил у самого сердца – во внутреннем кармашке. Когда я про это узнал, то тут же в карикатурном полуприседе развёл руки в стороны и сказал: «Ку». Правда, шутку юмора оценил только Якоб, который искренне посмеялся над моим скоморошеством. Светлана же с Нефёдычем посмотрели на меня как на идиота, что в общем-то было справедливо: в их ветке пространства-времени до выхода этого культового фильма оставалось ещё добрых полвека.

В глубину пещерное озерцо едва доставало до колена. Его солоноватую воду мы пили сырой, так как кипятить её было не в чем. Мылись мы там же: сразу за озерцом, отделённый каменной стенкой, находился нижний ярус по типу террасы. Он тоже был заполнен водой и играл для нас роль своеобразной ванны, только не очень удобной – мелкой и широкой. Гигиенические процедуры мы принимали по очереди, после чего сразу, так же по очереди, прополаскивали верхнюю одежду. Потом эту одежду высушивали, по двое держа её над костром и меняясь. А затем, переодевшись в сухое и условно чистое, шли уже стирать своё исподнее.

Часто мыться и стираться было нельзя, так как вода на нижнем ярусе обновлялась не так быстро, как хотелось бы. По моим прикидкам «банный день» проводился раз в месяц или около того. Рулил этим процессом Нефёдыч, он как-то мог определять пригодность воды. Обойдётся, бывало, озерцо по каменному уступчику вдоль стенки, перегнётся над нижним ярусом, поводит рукой по воде и крикнет нам: «Завтра помывка!» И для всех это было как маленький праздник. Для всех, кроме Якоба. Его приходилось почти пинками загонять на нижнюю террасу, чтобы он там помылся и постирал свою чёрную мешковатую хламиду, которая потом долго не просыхала.

Также Нефёдыч сообщил, что вода из нашего пещерного озера обладает отличным антисептическим свойством. Как он это определил было непонятно, но действительно: ни вшей, ни чесотки, ни других кожных заболеваний у нашей «великолепной четвёрки» не заводилось. Конечно, от нас, наверное, всё равно пахло, но и пещера, и одежда наша настолько пропитались дымом, что ничего такого мы уже не чувствовали и никакой брезгливости по отношению друг к другу не испытывали.

Понятно, что присутствие женщины среди половозрелых мужчин, которым не надо постоянно бороться за выживание, рано или поздно приведёт к закономерному результату. Скотство, конечно, но каждый из нас регулярно бывал со Светланой. Хотя, возможно, именно так мы и сохранили внутри себя тот зачаточный уровень простого человеческого тепла, которое подпитывается только близостью между мужчиной и женщиной. Светлана же соглашалась на это всё с какой-то спокойной обречённостью, но, надо сказать, что никакого насилия или принуждения с нашей стороны никогда не было. Обычно, после серии перекрёстных взглядов, двое лишних молча вставали и выходили «погулять».

Нефёдыч этой полигамии не препятствовал. Он всё понимал и, видимо, не хотел, чтоб в нашем микроколлективе образовывались ненужные линии напряжённости. Более того, Нефёдыч и сам оставался со Светланой наедине. Вот только я почему-то был уверен, что он её даже не касался, пока мы с Якобом принимали воздушные процедуры. Я чувствовал, что она была для Нефёдыча человеком близким, а не просто случайной попутчицей. И когда я думал об этом, то на душе становилось совсем поганно. Но и добровольно покинуть этот не мной запущенный круговорот похоти в природе я не мог.

Не знаю, удавалось ли мне «согреть» её в те минуты?.. Со мной Светлана всегда вела себя сдержанно, но я точно не был ей противен. А вот кого она жалела, так это, как ни странно, Якоба. Видимо, она считала его слишком молодым для той участи, которая всех нас постигла.

Наш «святоша» венец безбрачия носил не долго, а потом так и вовсе зачастил. Что поделать, молодость есть молодость. И надо сказать, что он вообще в этом мире освоился куда быстрее меня. Поначалу Якоб от всего в буквальном смысле шарахался и отрекся. Но со временем, когда понял что здесь не ад и что бригада чертей не поволочёт его к кипящему чану, он успокоился и принялся за свои обычные религиозные дела. У входа в пещеру Якоб из маленьких камней выложил крест, а внутри, в своём углу, острой гранью другого камня процарапал на стенке ещё один крест. Возле него-то Якоб всё время и молился, прерываясь на пожирание слизи и сбор хвороста, а особенно яростно он бил земные поклоны после уединений со Светланой.

Однажды Якоб подсел ко мне и стал что-то вкрадчиво говорить на своём «жёстком» английском. При этом он часто складывал вместе ладони и поднимал глаза к невидимому из пещеры небу. И без толмача было понятно, что Якоб готовился пролить на меня свет Христова учения. Его бесплодные потуги я решил прервать на корню, поэтому быстро троекратно перекрестился. То, как я это сделал, Якобу понравилось не очень. Правда, от меня он всё же отступился, переключившись на Нефёдыча. Но тут наш монашек, как говорится, не на того напал. Иммунитет советского человека к поповским бредням даже вдали от родины оставался крепок, и Якоб в безапелляционной форме был отправлен за дровами, что исполнил, впрочем, с полагающимся смирением.

Несмотря на наличие двух русскоговорящих соседей, общался я больше с Якобом. В основном мы это делали жестами и совсем чуть-чуть с использованием моего «жиденького» англо-немецкого словарного багажа. Я несколько раз, увы, безрезультатно, как русский мужик с русским мужиком, пытался поговорить с Нефёдычем по душам. О своей научной работе Нефёдыч ничего не сообщал, ссылаясь на её специфичность, а на вопросах о семье так и вовсе уходил в себя. Светлана тоже была крайне немногословна. Лишь как-то раз она проговорила, что работает учётицей в одном московском домоуправлении. Вряд ли это была правда, но тогда я сделал вид, что поверил.

На отвлечённые темы общение с соотечественниками тоже не задавалось. С ужасом для себя я обнаружил, что не могу поддержать беседу даже о русской классической литературе! Я из неё толком ничего не помнил, а после школы так ни одной книги и не перечитал! Кое-как мы с Нефёдычем «зацепились языками» за «Бесприданницу», но и тут всё прошло не слава богу. Я-то в эмоциях и красках стал пересказывать яркие моменты из фильма нашего знаменитого комедиографа, а оказалось, что в пьесе-первоисточнике многое было не так. Причём совсем не так. Например, повозку с дамами никто на руках не передвигал, а мишенью для смелого и меткого выстрела были вовсе не часы на цепочке, а монета. Я, конечно, тут же поправился, сказав, что напутал, но в ответном взгляде Нефёдыча уже открыто сквозило недоверие. В общем, братья-славяне относились ко мне так же, как и призывал агитплакат сталинских времён: «Болтун – находка для шпиона!»

Уже позднее до меня дошло, что в поведении Нефёдыча и Светланы ничего удивительного не было. Когда они затаскивали меня в пещеру, то наверняка успели разглядеть, что все бирки и лейблы на моей одежде – на джинсах, рубашке и куртке – были на латинице. И поди им докажи, что это всё пошито в теперь уже братском и коммунистическом Китае! Это хорошо, что при мне ещё не оказалось паспорта с двуглавым, тогда клеймо белоэмигрантского недобитка или его потомка мне бы точно было обеспечено. Впрочем, я и так, наверное, проходил у них по этому «списку» или близко к тому.

Всё-таки удивительно, но как же сильны в человеке идеологические, религиозные и прочие культурно-поведенческие установки!? Вот казалось бы: мы чёрт знает где и нам нечего

делить и нечего доказывать друг другу, а всё равно разделение на свой-чужой, сидящее в подкорках ещё с первобытных времён, тут же «вылезает» наружу. И как мне теперь было их убеждать, что я не враг и не пособник какого-то там врага?..

Хотя если рассудить прямо, то и Нефёдыч, и находящаяся под его влиянием Светлана где-то в глубине души, но были правы. Ведь в короткой исторической перспективе мы отринем и их идеалы, и всё то, за что они боролись. Мы лишь до сих пор беззастенчиво пользуемся плодами их титанического труда, и связывает теперь их и моё поколения, пожалуй, только одно – День Победы.

Не исключено, что в силу этих предубеждений Нефёдыч и Светлана ни о чём меня и не расспрашивали, стараясь тем самым оградить себя от «залегендированной дезинформации». Я тоже, слава богу, наболтать лишнего ещё не успел. В общем, в этом кособоком русском треугольнике все стороны предпочли занять наблюдательно-выжидательную позицию, и только наличие внешней точки равновесия – Якоба – позволяло этой хлипкой конструкции не развалиться, не скатиться до банального выяснения отношений на великом и могучем языке. С другой стороны, я нисколько не сомневался в том, что в критической ситуации Нефёдыч со Светланой придут ко мне на помощь, так же как по отношению к ним это сделаю и я...

А вообще-то, мирок нам достался презанятный. Дело в том, что здесь не было солнца! Ну то есть совсем. Вообще. Небеса, вечно затянутые плотной пеленой, светились равномерно и неярко, будто местная звезда была огромна, тускла и неестественно близка к этой планете, что полностью противоречило привычной нам космогонии.

Тут всегда стоял день – пасмурный сухой осенний день, словно готовый с минуты на минуту разразиться затяжным дождём. Но дождя, как и любых других осадков, мы здесь не видели ни разу. Лишь однажды до нас донеслись раскаты далёкого грома, которые, впрочем, ни к чему не привели.

Нефёдыч сказал, что озерцо наше подпитывается грунтовыми водами, и оно, возможно, является частью подземной водяной линзы. Моих собственных познаний в гидрогеологии было недостаточно, поэтому я предпочёл согласиться с его выводом, ведь если нет притока сверху, значит, он должен быть снизу. Элементарная логика мне подсказывала, что дожди на этой планете случаются, что тут имеются моря и даже океаны. Только нам не повезло, а может, напротив, повезло оказаться вдали от таких мест.

А потом случилась находка, которая словно «запустила» собой целую последовательность событий, да ещё каких! Может, поэтому мы впоследствии и не сошли с ума от однообразной и бесцельной жизни в пещере, правда, получив взамен несколько «отличных» возможностей с этой самой жизнью расстаться.

– Крист! Крист! Крист! – Якоб, словно не разбирая пути, ворвался в пещеру и полней своей рясы едва не залез в костер. Его глаза были навывкате, а с каждым выкриком изо рта вылетали капли слюны. – Крист! Крист! Крист!

– Где дрова, Якоб? – спокойно, но с нажимом спросил Нефёдыч, на которого Светлана тут же бросила «примиряющий» взгляд. Якоб обошёл костёр и чуть склонился перед Нефёдычем, протягивая к нему сведенные вместе ладони, где лежала какая-то то ли рогатка, то ли загогулина.

При ближайшем рассмотрении находка оказалась серой палочкой сантиметров десяти длиной. С одной её стороны почти под прямым углом шёл короткий отросток. И хоть структура у всей конструкции была сплошная и слоистая, а не полая и не трубчатая, но первое на что я подумал – что вижу перед собой фрагмент грудины с выходящим из неё остатком рёберного хряща! Это моё предположение усиливалось ещё тем, что другая сторона осевой палочки, свободная от отростка, была неровной, словно выломанной из общей широкой части.

Судя по настороженному вниманию в глазах Нефёдыча, его мнение склонялось туда же – в анатомическую сторону. Лишь Якоб в приступе слепого религиозного возбуждения был уверен, что держит в руках не иначе как обломок главного христианского символа. Наверное, подобное трактование для него было единственно возможным, так как олицетворяло знак промысла Божьего и означало окончательно, что здесь не один из кругов ада, а юдоль для несения своего креста и площадка для мессианства.

Якоб, разочарованный нашей сдержанной реакцией, спрятал «реликвию» за пазуху, и мы втроём пошли к тому месту, где он её нашёл. Странно, но нашего монашка занесло совсем на другой край «болота» – довольно далеко от той точки, где мы брали дрова в предыдущий раз. Видимо, тогда в свой внутренний разговор с Богом он погрузился настолько глубоко, что перестал смотреть по сторонам. Якоб остановился в двух метрах от образовавшейся в хворосте ямы и кивнул нам, показывая, что пришли. Мы с Нефёдычем сделали ещё два уверенных шага вперёд и остановились, рефлекторно схватив друг друга за руки. Земля перед нами начала тихонько осыпаться по направлению к эпицентру ямы. Дальше идти было нельзя – это было понятно и безо всякой интуиции. Мы почти синхронно отшагнули назад, развернулись и вместе с монахом медленно возвратились по своим же пыльным следам.

Обнаружение подземных пустот на «болоте» требовало пересмотреть наш подход к заготовке хвороста. Откровенно говоря, раньше мы делали это безалаберно, руководствуясь лишь сиюминутным удобством. Теперь же нужны были и осторожность, и осмотрительность. Отныне выборка пластов хвороста должна производиться только вдвоём, последовательно вдоль края, без локальных протяжённых врезок. Ну и конечно же, с тестовыми бросками камней перед переходом на новый участок. А камней, причём довольно увесистых, тут было много, так же как и времени у всех нас.

Чтобы объяснить Якобу новые правила, Нефёдычу хватило пары минут. Всё-таки когда речь идёт о личной безопасности, то человек становится на редкость понятливым. Выслушав нотации, Якоб несколько раз кивнул, протяжно сказал: «Та-а», – и засеменил к пещере. Мы же с Нефёдычем пошли нарочито медленно, и первым молчанием, что было неожиданно, нарушил он.

- Вы тоже думаете, что это кость?
- Очень похоже на то.
- Судя по слоистости, это может быть материал на основе кремния.
- Да?! Вы и в этом разбираетесь?
- Немного... У меня, знаете ли, неплохая базовая подготовка.
- Вы учёный или военный?
- И тот, и другой... Я из тысяча девятьсот тридцать восьмого года. Московский институт... Впрочем, это уже неважно.
- А я из две тысячи двадцатого. Из маленького городка на севере. Менеджер по продажам мебели. Работник торговли то есть.
- А что за мебель?
- Да, разная. Барные стойки, столы-стулья, полки-стеллажи. Мы в основном на общепит работали: на столовые там, на рестораны. А их все позакрывали, как и другие места большого скопления людей... У нас там эпидемия. Вирусная инфекция. На весь городок одна больница, и та под завязку забита. Смертей много.
- Чума двадцать первого века?
- Пока непонятно... Из бутылки то ли случайно, то ли нарочно, но вырвался если не сам джинн, то один из его толковых подручных.
- Хм... – Нефёдыч понимающе хмыкнул на мою витиеватую фразу. – Значит, здесь Вы решили спастись?

– Даже не знаю. Настроения дома, да и во всей стране и в мире, близки были к паническому, но когда мне пришла эсмэска – короткое текстовое сообщение на переносной карманный телефон, то сначала я не поверил.

– Что было в том сообщении?

– Дословно: Мы можем Вас спасти, – Нефёдыч на этих моих словах вздрогнул, но вида не показал. – Далее в случае заинтересованности предлагалось ответить на сообщение комбинацией любых символов. Я, конечно, был уверен, что имею дело с мошенниками, которые будут запрашивать реквизиты моей банковской... моего банковского счёта, но скуки ради решил развлечься.

– У вас распространено мошенничество по телефону?

– О да. И вот это точно – чума двадцать первого века!

– О времена, о нравы, – Нефёдыч улыбнулся краем рта, считав мой сарказм. – А дальше?

– А дальше пришло другое сообщение, только уже записанное голосом, ну как через фонограф. Мне, следуя этой инструкции, нужно было в определённое время выйти на балкон собственной квартиры. При себе не должно было быть ни документов, ни тёплых вещей. Часы, ключи, телефоны и золотые цепи также исключались. Я обул ботинки, натянул джинсы, накинул куртку – всё-таки был не май месяц – и вышел к условленному часу на балкон. Так я оказался здесь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.